

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; почётный работник ВПО РФ; эксперт РАН; член союза кинематографистов России

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России; эксперт РАН

Космос и возраст: о символической связи околосолнечного пространства с перспективами очеловеченного времени

Статья посвящена герменевтическому раскрытию ряда символических представлений о космической корреляции земной человеческой жизни. В качестве иллюстраций привлекается наследие столь разных авторов, как св. Григорий Нисский, Новалис, А. Шопенгауэр, Ф. Энгельс, Ф. Ницше, О. Шпенглер, Р. Генон, Х. Л. Борхес, К. Э. Циолковский, А. Горбовский, отец Серафим Роуз, В. Н. Лосский.

Ключевые слова: антропокосмизм, брэнность, пессимизм, оптимизм, скепсис, интериоризация тотальности

Замечательно указал Х. Л. Борхес: «С годами человек заселяет пространство образами провинций, царств, гор, заливов, кораблей, островов, рыб, жилищ, орудий труда, звёзд, лошадей и людей. Незадолго до смерти ему открывается, что терпеливый лабиринт линий тщательно слагает черты его собственного лица» [1, с. 209]. Устремляясь в дальний космос и мечтательно связывая с ним своё общечеловеческое будущее, мы

редко осознаём, что наше воображение (в силу не только пространственной, но и временной удалённости зримых нами астрономических объектов) притягивается его прошлым – прошедшим, которого, если оно и остаётся на непостижимой ленте времени, в доступной нам реальности давно уже нет...

Возвращаясь с этим опытом к одомашненному и номинативно освоенному околосолнечному миру, обратимся к мыслителю,

который склонен был смотреть на космос как на макроантропос, причём, как в хорошо известной из истории интеллектуальной культуры полемике с Гёте о реальности звёзд, так и в противостоянии со всей тысячелетиями господствующей космоцентрической традицией. Он не отрицал объективной реальности, но показывал вослед Канту её глубочайшую антропологическую обусловленность. Можно было бы определить эту микротему так: космос и возраст в культурной антропологии А. Шопенгауэра, заметим – прожившего 72 года. Этот факт до определённой степени оказывается дополнительной иллюстрацией, как мы увидим далее, поскольку шопенгауэровский антропокосмизм имеет очевидную параллель с Псалмами Давида: ”Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет“ (Пс., 89 : 10) – таким образом соображения тяготеющего к буддизму «певца мировой скорби» неожиданно обретают библейский антропологический масштаб...

В последнем разделе «Афоризмов житейской мудрости» заключительные астрологические наблюдения Шопенгауэра в сфере возрастной социальной психологии (причём – подчёркнуто *мужской!*) обретают метафизическое значение – в силу их труднооспоримой универсальности, приведём эти соображения полностью:

«Хотя жизненный путь отдельных людей и не предначертан в планетах, как учила астрология, однако это с полным правом можно сказать о жизни человеческой вообще, поскольку каждому её возрасту по порядку соответствует одна из планет, так что над жизнью этой последовательно господствуют все планеты. На десятом году жизни правит *Меркурий*. Подобно последнему, человек движется быстро и легко, в самом тесном кругу; его способны взбудоражить пустяки; но он многому и легко учится под властью бога хитрости и красноречия. С двадцатым годом наступает господство *Венеры*: им всецело овладевают любовь и женщины. На тридцатом году господствует *Марс*: человек теперь энергичен, силён, смел, воинственен и упорен. На сороковом властвуют 4 *планетоида*, жизнь его поэтому расширяется: он бывает *frugi* (благоразумным, *лат.*), то есть гонится за пользой под покровительством *Цереры*; у него свой собственный домашний

очаг под покровительством *Весты*; он выучился тому, что ему требуется знать, благодаря *Палладе*; и подобно *Юноне* царит хозяйка дома, его жена (Открытые с тех пор в добавление к этому числу ещё около 60 планетоидов есть новшество, о котором я ничего не желаю знать. Я делаю поэтому с ними то же, что профессора философии со мной: я игнорирую их, так как они мне не ко двору). На пятидесятом же году господствует *Юпитер*. Человек уже пережил большинство своих сверстников и чувствует своё превосходство перед теперешним поколением. Ещё в полном расцвете своей силы, он богат опытом и знанием; он (в меру своей индивидуальности и положения) является авторитетом для всех его окружающих. Поэтому он не хочет уже, чтобы ему приказывали, а желает приказывать сам. Теперь он наиболее пригоден быть руководителем и повелителем в своей сфере. Так Юпитер и с ним пятидесятилетний человек доходят до своего кульминационного пункта. А затем следует, на шестидесятом году, *Сатурн* и с ним тяжесть, медленность и вязкость *свинца*:

***Но старый человек – почти мертвец:
Тяжёл, недвижим, бледен, как свинец.***
(«Ромео и Джульетта», акт 1, сц. 5)

Наконец, приходит *Уран*: тогда, как говорят, человек отправляется на тот свет. *Нептуна* (как его, к сожалению, необдуманно окрестили) я не могу привлечь здесь к делу, потому что я не смею назвать его истинным именем, именем *Эроса*. Иначе у меня является желание показать, как к концу примыкает начало, именно – как Эрос стоит в тайной связи со смертью, благодаря чему Оркус, или Аментес египтян (согласно Плутарху, «Об Изиде и Озирисе», гл. 29), является как... не только берущий, но и как дающий, и смерть служит великим резервуаром жизни. Оттуда, следовательно, оттуда – из Оркуса приходит всё, и там было уже раньше каждое существо, обладающее теперь жизнью; и если бы мы только были способны постичь тот фокус, благодаря которому это происходит, – тогда всё стало бы ясно» [2, с. 374–375].

Учение Шопенгауэра чаще всего представляется беспросветным пессимизмом, однако же оно куда умереннее смотрит на фактор всеобщей брэнности, нежели один из

главных теоретиков марксизма, совсем неверно именуемого «историческим оптимизмом», ибо философией материализма постулируется в конце истории полное уничтожение человечества; об этом есть великолепные слова у Ф. Энгельса, которые увлечённо цитировал известный позднесоветский социолог А. Горбовский: «Может быть, пройдут ещё миллионы лет, народятся и сойдут в могилу сотни тысяч поколений, но неумолимо надвигается время, когда истощающаяся солнечная теплота будет уже не в силах растапливать надвигающийся с полюсов лёд, когда всё более и более сгущающееся у экватора человечество перестанет находить и там необходимую для жизни полноту, когда постепенно исчезнет и последний след органической жизни, и Земля – мёртвый, остывший шар вроде Луны – будет кружить в глубоком мраке по всё более коротким орбитам вокруг тоже умершего Солнца, на которое она, в конце концов, упадёт. Одни планеты испытывают эту участь раньше, другие позже Земли; вместо гармонически расчленённой, светлой, тёплой солнечной системы останется лишь один холодный, мёртвый шар, следующий своим одиноким путём в мировом пространстве. И та же судьба, которая постигнет нашу солнечную систему, должна раньше или позже постигнуть все прочие системы нашего мирового острова, должна постигнуть системы всех прочих бесчисленных мировых островов, даже тех, свет от которых никогда не достигнет Земли, пока ещё будет существовать на ней человеческий глаз, способный воспринять его» [3, с. 167–168].

Холодный либо горячий конец «мировых островов», рисуемый классической или современной наукой, однозначно свидетельствуют об итоговом распаде Солнечной системы, в чём-то подобном крушению царств и культурно-цивилизационных миров... «Это – спектакль, бесцельный и возвышенный, как кружение звёзд, вращение Земли, чередование суши и морей, льдов и девственных лесов на суше. Можно им восхищаться или, напротив, оплакивать – однако он разыгрывается перед нами. <...> ...время одерживает победу над пространством, и время есть то, чей неумолимый ход утверждает в случайности человека на этой планете мимолетную случайность культуры, форму, в которой какое-то время протекает случайность жизни, меж-

ду тем как на заднем плане в светом мире нашего зрения раскрываются текущие горизонты истории Земли и истории звёзд» [4, с. 464, 539].

Взыскующее мышление трансцендирует соляристику и упирается в звёздные дебри. Во многом предвосхищая только что цитируемый «Закат Европы» О. Шпенглера, Фр. Ницше в книге «Весёлая наука» впечатляюще выразил это в афоризме 322: «*Притча*. Те мыслители, в которых все звёзды движутся по круговым орбитам, не суть самые глубокие; кто всматривается в себя как в чудовищное мировое пространство и носит в себе Млечные Пути, тому известно также, как беспорядочны все Млечные Пути; они заводят в хаос и лабиринт бытия» [5, с. 647].

Нет сомнения в том, что начало хозяйственным и ресурсным разработкам ближнего космоса было положено в его культурном освоении... В разделе «Монизм вселенной» книги «Воля Вселенной», рассуждая о том, «чего можно ждать от человечества», К. Э. Циолковский писал так:

«Техника будущего даст возможность одолеть земную тяжесть и путешествовать по всей Солнечной системе. Посетят и изучат все её планеты. Несовершенные миры ликвидируют и заменят собственным населением. Окружат Солнце искусственными жилищами, заимствуя материал от астероидов, планет и их спутников. Это даст возможность существовать населению в 2 миллиарда раз более многочисленному, чем население Земли. Отчасти она будет отдавать небесным колониям свой избыток людей, отчасти переселённые кадры сами будут размножаться. Это размножение будет страшно быстро, так как огромная часть яичек (яйцеклеток) и сперматозоидов пойдёт в дело.

Кругом Солнца, поблизости астероидов будут расти и совершенствоваться миллиарды миллиардов существ. Получатся очень разнообразные породы совершенных: пригодные для жизни в разных атмосферах, при разной тяжести, на разных планетах, пригодные для существования в пустоте или в разреженном газе, живущие пищей и живущие без неё – одними солнечными лучами, существа, переносящие холод, переносящие резкие и значительные изменения температуры.

Впрочем, будет господствующий наиболее совершенный тип организма, жи-

вущего в эфире и питающегося непосредственно солнечной энергией (как растение).

После заселения нашей Солнечной системы начнут заселяться иные солнечные системы нашего Млечного Пути» [6, с. 307].

Оптимистические грёзы, однако, развеиваются при некотором понимании структуры реальности... Так, современник Циолковского, Р. Генон отмечал: «Мы не утверждаем, что межпланетное сообщение невозможно; мы говорим только, что эти шансы могут выражаться только бесконечно малой с несколькими степенями, и что если ставить вопрос для определённого случая, как в случае Земли и другой планеты Солнечной системы, почти не рискуешь ошибиться, рассматривая их как практически нулевые» [7, с. 202]; он же говорил о «заблуждениях, которые испытывают некоторые учёные в отношении межпланетных сообщений»: «...эти заблуждения берут начало из ошибки, ...которая заключается в перенесении на всё чисто земных представлений» [7, с. 203].

Во второй половине XX столетия удивительным образом можно указать на аналогичные сопричастие и чередование космологического пессимизма и космологического оптимизма в православной традиции...

Обратимся сначала к проникновенному указанию иеромонаха Серафима Роуза – великого православного подвижника конца XX столетия, жившего в Америке, но с юности под влиянием чтения Ницше и Генона обратившегося сначала к изучению духовного опыта различных культур Востока, что привело его в конечном итоге к радикальной апологетике православия и эсхатологического значения России; вот – его православная космология: «Сознательный православный христианин живёт в мире, который несомненно пал, и внизу на земле, и наверху, среди звёзд, – всё одинаково далеко от потерянного рая, к которому он стремится. Он – частица страдающего человечества, происшедшего от одного Адама, первого человека, и все одинаково нуждаются в искуплении, даруемом безвозмездно Сыном Божиим через Его спасительную Жертву на Кресте. Он знает, что человеку не предназначено "эволюционировать" во что-то "высшее", и нет никаких причин верить, что на других планетах есть "высокоразвитые" существа; но он хорошо знает, что во вселенной есть и вправду

"высшие разумные существа", кроме него: и они бывают двух родов, так что он стремится быть с теми, кто служит Богу (с ангелами) и избегать контактов с другими, которые отреклись от Бога и стараются из зависти и злобы втянуть человека в своё жалкое состояние (с бесами). Он знает, что человек, из-за себялюбия и слабости, легко склоняется к разным заблуждениям и верит в "волшебные сказки", которые сулят контакты с "высшими состояниями" или с "высшими существами", без подвигов христианской жизни – фактически как раз в качестве спасения, бегства от подвига христианской жизни. Он не доверяет своей собственной способности разоблачить козни бесов и тем более особенно точно придерживается учений Св. Писания и Святых Отцов, которые Церковь и Христос дали ему на всю жизнь. Такой человек имеет возможность противостоять религии будущего, религии антихриста, в какой бы форме она ни появилась: остальное человечество, если не будет спасено чудом Господа, обречено на гибель» [8, с. 186].

Отец Серафим Роуз в культурном отношении был, несомненно, коренным представителем западной цивилизационной традиции, имеющей в своём мировосприятии явные неогностические черты, связанные с представлениями о необратимой inferнальности и падшести всей космической реальности – его радикальный поворот к аскетической православной традиции и развитие любви к русскому миру впечатляют, однако же и не заслоняют указанных генетических черт...

Пример противоположной православной космологии мы обнаруживаем в наследии другого церковного автора, крупнейшего отечественного богослова XX века – В. Н. Лосского, бывшего исконно носителем восточно-христианской святоотеческой традиции, однако же, с юности питавшего большой интерес и к западной средневековой пантеистической мистике М. Экхарта, а впоследствии, после революционной катастрофы 1917 г., навсегда эмигрировавшего в Европу: «Небо – это вся беспредельность духовных миров, объемлющих наше земное бытие, это бесчисленные ангельские сферы. Книга Бытия упоминает о них, но затем как бы перестаёт ими интересоваться и говорит только о земле. Несколько кратких указаний на эти духовные миры встречаются, как вехи, в обо-

их Заветах, но эти упоминания никогда не получают развития. Так, святой Григорий Нисский видит в 99 овцах, оставленных на высотах, символ ангельской полноты, сотая же, заблудшая овца – это наш земной мир. В нашем падшем состоянии мы фактически не можем определить места нашей вселенной среди беспредельных миров. Это относительное умолчание Священного Писания знаменательно. Оно подчёркивает центральное значение земли, оно определяет некий геоцентризм. Это не остаток какой-то примитивной космологии (впрочем, разве космологии такого рода не символичны в известной мере?), космологии, не соответствующей нашей послекоперниковской вселенной. Геоцентризм здесь не физический, а духовный: земля *духовно центральна*, потому что она – плоть человека, потому что человек, прорываясь сквозь бесчисленное видимое, чтобы связать его с невидимым, есть существо центральное, – то существо, которое объединяет в себе чувственное и сверхчувственное и потому с большей полнотой, чем ангелы, участвует во всём строе "земли" и "неба". В центре вселенной бьётся сердце человека, и только святой, чьё очищенное сердце объемлет самые отдалённые туманности, может постигнуть, не являются ли эти "звёздные сферы" своего рода отражением ангельских зонов и потому не нуждаются в спасении» [9, с. 291–292].

На самом деле нельзя однозначно сказать, кто окажется ближе к истине – это скрыто от нас и от обозримых нашему разуму поколений людей, живущих на земле, живших и тех, которые ещё придут после нас. Это – не просто вынужденный скепсис, но скорее – повод для преобразования ума и радикальной интериоризации тотальности, начало чему положено в грандиозном процессе специфического одомашнивания и нашего жизненного острова – околосолнечного пространства, символические черты которого, как опыт всякого подлинного начала, останутся с нашим человечеством навсегда.

«Мы мечтаем, - вопрошал Новалис, - о путешествии во вселенную: но разве не заключена вселенная внутри нас? Мы не знаем глубин нашего духа. Именно туда ведёт таинственный путь. В нас самих или нигде заключается вечность с её мирами, прошлое и будущее. Внешний мир – это мир теней, он бросает свою тень в царство света» [10, с. 71].

Библиографический список:

1. *Borges J. L.* A Personal Anthology. New York, 1967.
2. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4: Parerga и Paralipomena: В 2 т. Т. 1: Parerga. М.: «ТЕРРА – Книжный клуб»; «Республика», 2001.
3. *Горбовский А.* Год 2000 и далее. М.: «Знание», 1978.
4. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.
5. *Ницше Ф.* Весёлая наука // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: «Мысль», 1990.
6. *Циолковский К. Э.* Воля вселенной. Космическая философия. М.: «Эксмо», 2015.
7. *Генон Р.* Заблуждение спиритов. Калининград, 2015.
8. *Роуз, Иеромонах Серафим.* Православие и «религия будущего» // Роуз, Иеромонах Серафим. Святое Православие, XX век. М., 1992.
9. *Лосский В. Н.* Догматическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991.
10. *Новалис.* Фрагменты // Зарубежная литература XIX века. Романтизм: Хрестоматия историко-литературных материалов. М.: «Высшая школа», 1990.

©Океанский В.П., Океанская Ж.Л., 2021